

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
18–20 июня 2015

РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ РЕСУРСОВ
Панельная сессия

18 июня 2015 — 12:30–13:45, Павильон 5, Конференц-зал 5.1

Санкт-Петербург, Россия
2015

Модератор:

Чарльз Робертсон, Главный экономист, Renaissance Capital

Выступающие:

Рубен Аганбегян, Председатель правления, ОАО «Открытие Холдинг»

Игорь Лотаков, Управляющий партнер, PwC Russia

Иракли Мтибелишвили, Управляющий директор, председатель корпоративного и инвестиционного банка, Россия, Казахстан и Украина, Citi

Андрей Назаров, Сопредседатель, Общероссийская общественная организация «Деловая Россия»

Д-р Теодор Таннер, Генеральный директор, Федеральная антимонопольная служба Австрии

Андрей Цариковский, Статс-секретарь, заместитель руководителя, Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации

Евгений Ясин, Научный руководитель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

C. Robertson:

Ladies and gentlemen. Thank you for attending this panel. The structure is that I will speak for two or three minutes, just to introduce myself and the panel, and give an overview of what we might talk about. I will then allow each speaker five minutes to give an introduction on their views on this issue, and then open it up to questions from you or, if necessary, from me. I wrote a report a couple of years ago talking about the lack of political competition. It was an issue just raised in the previous panel by Mr. Gref, Mr. Shuvalov, and Mr. Kudrin, and I was arguing that the lack of political competition in Russia, Turkey, South Africa and Brazil was one factor which might explain why investors have been less excited by Russia, Turkey, South Africa and Brazil in the last few years. It is obviously an issue that resonates, one which is also being talked about today at this panel. But we are going to focus a little bit more on economic competition, business competition, and try to work out what Russia can do to make a difference, to try and accelerate growth again. And we have got a fantastic set of panellists. I myself am Chief Economist at the investment bank Renaissance Capital. We are all for competition, and I imagine that most of us at this panel are too. If I can very briefly try and introduce Ruben Aganbegyan down at the end here, now the head of Otkritie, the former head of the stock exchange, and once upon a time at Renaissance Capital as well. We have Igor Lotakov from Price Waterhouse Coopers, who will start the introductions in a moment in the opening session. We have anti-monopoly experts, both from Russia on my right and from Austria on my left, as well as Evgeny Yasin, whom I think you all know very well, and Andrei Nazarov, who should be joining us a little bit later. To start off, if I could invite you, Mr. Lotakov, to begin the first session.

И. Лотаков:

Большое спасибо. Я, наверное, начну на русском. Если будет нужно, тогда переключимся на другой язык.

Мне кажется, сессия, которая открывала Форум, — это хорошее начало для нашей встречи, так как многие обсуждавшиеся там вопросы релевантны и нашей дискуссии. Можно обозначить три уровня проблемы, о которой мы будем говорить. Мы можем рассмотреть то, что делает государство. Мы можем сосредоточиться на существующем законодательстве по регулированию конкуренции или на дорожных картах по развитию конкуренции и совершенствованию антимонопольной политики. Все эти темы очень важны. Вместе с тем важно не забывать об экономической среде, в которой мы с вами работаем, и о кризисе, который сейчас так широко обсуждается.

Мы в компании PwC закончили фундаментальные исследования, посвященные кризису, которые мы так и назвали «Кризис. Взгляд под углом 360 градусов». Потом нам сказали, что слово «кризис» лучше убрать. Мы не стали конкурировать и написали «Экономический спад в России. Взгляд под углом 360 градусов». Мы посмотрели на бизнес-среду России и на вопросы, которые стоят перед покупателями, перед менеджментом среднего и высшего звена. Чтобы понять, есть ли кризис, мы опросили более трех тысяч человек. И что еще важнее: что делать с этим кризисом? Как долго он будет продолжаться? А также: что произойдет после кризиса? И чем кризис текущего года фундаментально отличается от кризиса 1998—1999 годов? Это важно знать для обсуждения эффективности российских компаний, потому что, говоря о конкуренции, мы в первую очередь имеем в виду эффективность: как мы можем ее повысить? Как можно поднять конкурентоспособность наших предприятий и в России, и на международной арене?

Еще один важный момент, на котором хотелось бы остановиться, если будет интересно. Отчасти об этом говорил Герман Греф на предыдущей сессии: пять известных мегатрендов, которые фундаментально меняют структуру бизнеса. О чем я говорю? Это изменения, связанные с

технологиями и IT. Посмотрите, как скорость развития технологий влияет на бизнес-модель предприятий и на их эффективность.

Например, потребовалось 76 лет, чтобы первые десять миллионов человек научились пользоваться обычным телефоном. И у нас заняло 10 лет, чтобы Интернетом начало пользоваться десять миллионов человек. Потребовалось 2,5 года, чтобы те же десять миллионов стали использовать Facebook, и всего 16 дней для Google+. Посмотрите, как это повлияло на наши предприятия и на ритейл. Пятьдесят процентов продаж (глобально) в ритейле уже осуществляются через Интернет. Что это значит? Почему это важно для эффективности компаний, для конкурентной среды? Это фундаментально другая структура бизнеса и операционная модель предприятия. И как говорил Герман Греф сегодня утром, об этом нельзя забывать. В чем состоит риск кризиса? Мы начинаем фокусироваться на ежеминутных проблемах, полировать — скажу, как аудитор — P&L текущего года и не смотрим вперед, на то, как нужно менять операционную среду предприятия.

Существуют и другие мегатренды, которые влияют на наши предприятия, наши глобальные российские компании. Один из них, безусловно, сдвиг экономического центра. Триста лет назад экономический центр мира был в Китае. Потом он сместился в Европу. Сейчас он где-то между Европой и Америкой и начинает движение обратно в Китай. Почему это важно для российских предприятий? Почему это важно для нашей среды? Развивающиеся экономики, такие как Китай, перестают быть экономиками, поставляющими дешевую рабочую силу, и становятся потребляющими. Следовательно, меняется движение капитала между странами. Китай многие годы был импортером капитала. Теперь он все больше и больше превращается в его экспортера.

На предыдущей сессии была затронута тема нашей ориентированности на запад или на восток. Мне кажется, надо смотреть и туда, и туда.

Есть и другие глобальные тренды, о которых мы можем поговорить. Так что тема нашей сегодняшней дискуссии шире, чем обсуждение или критика правительства и того, что оно сейчас делает. Спасибо.

C. Robertson:

Thank you for keeping to time – I am very impressed. Just to start broadly from another perspective – Mr. Yasin, famous economist, what would you see as the key issues on competition for Russia today?

Е. Ясин:

Спасибо. По моим представлениям, в настоящее время Россия снова находится перед капитальным выбором. Суть его опять заключается в том, что мы предпочитаем — государственный централизм или рыночную экономику. Я должен сказать, что все не так просто, как кажется с первого взгляда по очень простой причине: уже пройден определенный период до рыночных реформ и определенный период развития после них. Мы располагаем рыночной экономикой и политической системой, которая обладает определенными свойствами с точки зрения поддержания институтов централизованного управления и, самое главное, высокой доли влияния государства. Значит, сейчас нужно решаться. То время, когда модель развития 90-х годов сменилась моделью двухтысячных, которая сохраняется и сейчас, — это был поворот обратно к государству хотя бы потому, что до тех пор, в «лихие» (как сейчас принято говорить) 90-е, было ощущение, что все правила нарушаются и царят дикие нравы. Теперь мы подошли к такому моменту, когда закончился быстрый рост цен на нефть, который поддерживал эти убеждения. Пора решаться на что-то, потому что темпы роста падают. Если прислушаться, скажем, к моему другу Алексею Улюкаеву и сказать, что со второй половины 2016 года у нас начнется подъем и все будет нормально (если честно, я забыл, он ли это говорил, но

кто-то говорил), то мы окажемся в довольно трудном положении, потому что нужно принимать решения. Та экономическая модель, которая позволяла добиваться 7—8% годового роста, больше не работает. Значит, нужно что-то другое. Мое мнение, что в каком-то смысле мы должны сделать выбор в пользу рынка. Я знаю, что есть разные взгляды в государственном аппарате, но мое убеждение заключается в том, что нам нужно сильно продвинуться с развитием рыночной экономики и создать для этого соответствующие условия. А если мы будем придерживаться тех правил, которые были установлены в 2003 году, то не сможем избежать неуклонного падения темпов экономического роста. Если кто-то ожидает, что цены на нефть снова повысятся или в мире произойдет благоприятный поворот для России, и мы опять, ничего не делая, будем получать ренту, то у меня есть подозрение, что этого не будет.

Один из самых важных моментов, над которым нам надо работать, — это конкуренция. Мы должны сделать так, чтобы рыночные механизмы получили больше шансов и поле деятельности пошире, чтобы государственная собственность и государственное регулирование, которых у нас в изобилии, были сокращены, и чтобы было меньше волнений о безопасности. Почему я говорю о конкуренции? Понимаете, рынок — это довольно непростой механизм. Сложность его заключается в присутствии сильной конкуренции (на хорошем рынке — эффективной), но протекающей в рамках закона. Это принципиально важно, потому что с такой сильной конкуренцией мы уже сталкивались, но одним из ее инструментов было убийство соперника. Так было в середине 90-х годов, и то время прошло.

Мое глубокое убеждение состоит в том, что пора, наконец, усвоить правила, в соответствии с которыми закон превышает начальства. Верховенство права — это некий элемент, который признан во всех странах, где имеется развитая и, по современным понятиям, более или менее совершенная рыночная экономика. Вы скажете, что у нас недостаточная конкуренция?

Да, конкуренции, работающей по правилам, не хватает. Я позволю себе сослаться на Майкла Портера, не цитировать, а просто воспроизвести смысл его высказывания. Он говорит, что конкуренция — это постоянное чувство предпринимателя, который должен непрерывно добиваться успеха в росте производительности с упором на инновации и лучшее качество. То есть не за счет того, чтобы кого-то убивать, а за счет того, чтобы повышать уровень своей работы и выигрывать в этом. Если у вас работает закон (а не в соответствии с древней российской привычкой, что должен работать сам царь или начальник), то ситуация должна измениться. И тогда мы должны играть по правилам, чтобы не было монополий. Что такое наш Антимонопольный комитет сегодня? На самом деле, он берется только за те задачи, на которые получает разрешение. Это не дело: из правил не должно быть исключений. Это условие, которое выработали 200 лет функционирования современной рыночной экономики на Западе. Я думаю, что сегодня перед нами стоит та же задача.

Существует ли критерий, свидетельствующий о том, что мы получили продвижение в этом направлении? Да, это — значительное улучшение инвестиционного климата. Нынешний рынок характеризуется тем, что у нас низкая ответственность нашей государственной бюрократии и низкое доверие по отношению к людям, выполняющим соответствующие функции. Давайте пройдем это препятствие, преодолеем кризис доверия, создадим конкуренцию и дадим рынку работать как следует. Тогда, уверен, мы добьемся успеха. Когда это будет, к сожалению, я сказать не могу. Спасибо.

C. Robertson:

Thank you very much indeed for that. We have had a broad talk about how technology is going to force a change in competition. It is happening globally. We also have some very helpful comments on the anti-monopoly story. Before I get to the anti-monopoly story, I would like to focus a little on banks, and we have

representatives from Citi and from Otkritie here. I was very enthusiastic about the reforms that President Putin laid out in 2012, including 'ease of doing business' reforms. He targeted an improvement from where Russia was, at 120th in the world, similar to India and Brazil at about 130th. That was where Russia was in 2012, 120th. Today it is 62nd, and for 2018, President Putin has targeted 20th place. I think Prime Minister Medvedev was talking about 30th place, so there was not complete alignment. There was competition in the views about where Russia was going to go. That is the good news. The more negative news from my perspective as an economist is what Mr. Yasin said: the role of the state has remained very large. In banking, Sberbank and VTB remain very dominant. Russian Railways remains largely a monopoly supplier of transportation services. In oil and gas, Rosneft and Gazprom, again, have a very high level of state involvement. And when it was suggested to me a year or two ago that Russia might be a Canada or an Australia in the future, my argument was that this will never happen while these companies are under state control. In 2012 the idea was to privatize larger stakes, and in 2013 that decision was withdrawn. At least on banking, I wonder what Citi would like to say on this particular issue, and also what you would like to talk about with regard to these issues.

И. Мтибелишвили:

Спасибо, Чарльз.

Я не уверен, что буду обязательно говорить об этом с точки зрения банковской индустрии, но затронуть эту тему мне бы хотелось. Так как поднятые вопросы фундаментальны для страны, я бы хотел продолжить то, о чем говорил господин Ясин. Многие из того, что он сказал, я считаю совершенно верным и полностью с этим согласен.

На мой взгляд, проблема, с которой мы имеем дело, это отсутствие понятного, четкого, ясного целеполагания в этой сфере и в более широких областях. И выбор, о котором говорил господин Ясин, мне кажется,

очевиден всем. Мы говорим о двух понятиях: о конкуренции как о среде, которую мы хотели бы иметь в экономике, и о конкурентоспособности. Конкурентоспособность — это скорее микрозадача, которая касается каждого хозяйствующего субъекта, но она невозможна без конкурентной среды. Эти две вещи тесно взаимосвязаны. В свою очередь, защита конкуренции без ответов на большие фундаментальные вопросы, перед которыми мы стоим, недостижима.

Отсутствие целеполагания полностью сбивает мотивации всех экономических субъектов, и эти мотивации никак не способствуют ни росту, ни улучшению благосостояния. Нельзя долго находиться в ситуации, когда ты одновременно являешься и крупнейшим собственником, и крупнейшим регулятором. Государству необходимо сокращать свое присутствие в конкурентных областях экономики – об этом говорят все. Уже стыдно это повторять на двадцатом году реформ. У нас замечательный план по продаже государственных активов на 60 миллиардов долларов (по ценам 2012 года), но практически ничего из этого не сделано: похоже, никого не интересует эта дискуссия. А если мы будем оставаться в этих условиях, то будем получать ситуацию, при которой, как это было в 2012 году или позже, сверху спускается директива: всем госкомпаниям сократить текущие издержки на 10%. Значит, сидят бедные госкомпании и смотрят: почему на 10%, а не на 7% или не на 12%? Нет хорошего ответа. А как это сделать директивным образом? Я понимаю и точку зрения регулятора. Им настолько надоело положение супермонополизированной экономики, что они не видят иного пути, кроме как спустить очень четкую и конкретную инструкцию: сегодня мы сократим текущие издержки на 10%. И в ситуации, когда весь организм нездоров, можно долго и упорно заниматься лечением мизинца на правой руке: будет много деятельности, движения и вовлеченных людей. И гора родит мышь. Или не родит ничего.

Игорь говорил, что нам надо перестать критиковать правительство и сфокусироваться на каких-то других аспектах. Игорь, эта тема стала настолько болезненной, что избежать ее невозможно.

На мой взгляд, ситуация очень интересная. Все проблемы очевидны, все рецепты понятны, все это обсуждают. Но мое видение проблемы заключается в том, что, продолжая об этом говорить, мы становимся чемпионами мира по очковитательству и самим себе, и всему окружающему миру. Это положение ведет ко вполне понятным последствиям, которые ни для кого не станут хорошими. Здесь присутствует господин Цариковский. Я абсолютно уверен, что он нам расскажет о том, каков взгляд Антимонопольной службы на данный вопрос. Я должен сказать, что эта одна из тех служб, которая в рамках существующих ограничений работает достаточно эффективно. Но проблемы есть и в этой области — в том, что касается непосредственно моей деятельности: регулирование рынка слияний и поглощений, мне кажется, является довольно тяжелым и неправильным. Именно оно создает огромное количество барьеров для эффективного функционирования рынка.

Вторая вещь, которая меня сильно беспокоит с точки зрения конкурентной среды, — это вовлеченность государства в регулирование того, что просто нельзя регулировать. Могу привести пример: здесь присутствует один молодой человек, у которого есть инвестиции в сельском хозяйстве. Он рассказывал мне, как в одном из регионов ему позвонили из офиса губернатора и спросили: «А что Вы будете сажать в этом году? — А почему Вас это беспокоит? — А у нас есть план». То есть зерноводство — это регулируемая деятельность. Почему? Кому от этого хорошо? Почему сотни людей заняты этим? И почему мы, налогоплательщики, платим им зарплату? Что хорошего производится регулированием с точки зрения публичного блага? На мой взгляд, от этого сплошной негатив. Покойный

Каха Бендукидзе много говорил на эту тему, и то, что он сделал в Грузии, безусловно, заслуживает всяческих похвал, но он пошел совсем радикальным путем. Он проинтервьюировал почти 80 сотрудников антимонопольной службы Грузии и понял, что ни один из них не понимает, чем он занят и в чем его роль. Поэтому он упразднил эту функцию, и стало хорошо. Но у Грузии очень маленькая экономика, и подобные действия там, наверное, можно проводить без особых последствий. В то время как для экономики большего масштаба они были бы слишком радикальны. Таково мое мнение, Чарльз.

C. Robertson:

Thank you very much. You avoided suggesting the break-up of Sberbank or the government entirely getting rid of it. I am going to move on to Ruben and give him the chance to talk about these issues. I guess what I would add now is that when I speak to investors globally who still own some Russian stocks, they all own Magnit. Why do they own Magnit? Because the state has no involvement in retail. Magnit is fighting the competition, and it is private sector. They have top technology, which is exactly the issue just talked about. They have Amazon-style technology, and they have one of the most efficient companies in that sector in emerging markets. This is what Russians can do with technology, with the private sector, with competition. Again we come to banking. Maybe Ruben would like to speak about that, but also perhaps speak about his time heading MICEX, which is also a very popular company among foreign investors, but is of course a monopoly, and that runs counter to everything I think of good normally. So perhaps you would like to talk about those issues.

P. Аганбегян:

Я начну с того, что я тоже поддерживаю Евгения Григорьевича. И я легонько упрекну Игоря за предложение поговорить о глобальных

проблемах: Питерский форум любит заниматься не проблемами России, а глобальными вопросами и давать всем советы. Я хочу подойти ближе к нашим «баранам».

Я не согласен с Ираклием ни по одному пункту. Мне кажется, что есть абсолютно понятное целеполагание, изложенное в цифрах. Нет необходимости писать на заборе само слово для того, чтобы оно было: многие годы оно существует в действиях и в показателях. Мощная мотивация, по моему мнению, тоже есть. Сегодня в этом секторе более выгодно быть руководителем госкомпании, чем частной компании — это ясно из газет. Спасибо государству за то, что оно заставляет руководителей госкомпаний раскрывать свои компенсационные пакеты.

Я считаю, что самая большая болезнь в данный момент — это проблема, связанная с госмонополией. Ситуация развивается как раковая опухоль, причем в любой индустрии. Возьмем, например, «Магнит». Представим себе, что одна из плохих сетей в этой сфере покупается государством. И наше представление о государстве как о неэффективном, плохом организме абсолютно неверно: на сегодняшний день в госсекторе работают одни из лучших кадров. Когда у них есть финансовый рычаг, прекрасные отношения с госбанками (а они — одна семья), административный ресурс и какая-нибудь дубина регулятивного или еще какого-нибудь свойства, что остается частному сектору? Все — нет частного сектора! Его нет в первый день и в течение нескольких лет. Любой сектор, куда пришло государство, постепенно огосударвляется благодаря тому, что в государственных компаниях сегодня работают достаточно сильные кадры, сильные люди. У них есть соответствующая мотивация. Нельзя их в этом обвинять и говорить, что они что-то делают не так. Они абсолютно правильно действуют в рамках тех задач, которые стоят перед ними. Их цель — построить успешную компанию. И они сделают ее так, как они это понимают, в рамках тех целеполаганий. Но она будет одна. Дальше она

станет иждивенцем и постепенно превратится из «давальщика» в получателя. Так оно, к сожалению, и происходит.

Мое мнение, что надо копаться в этой сфере. Невозможно что-либо говорить ФАС или кому-либо еще, потому что все упирается в общую ситуацию и в общее целеполагание. Мне кажется, что наше нынешнее целеполагание — это госцентрализованная экономика, что связано с легкостью управления ею. Оно не ставит никаких задач и ничего не требует для себя — оно исполняет приказы. Банковский сектор, безусловно, является ярким примером высокой доли государства, по-моему, неоправданно высокой доли. Кстати, я не вижу ответа на Ваш вопрос: «А нужно ли сплитовать Сбербанк? Я не уверен, что нужно. Необходимо иметь равные правила игры, что очень сложно в ситуации, где доля государства столь высока. Я традиционно напомню свою старую крамольную мысль: не вижу ничего страшного в том, чтобы Сбербанк был приватизирован. Пока остается гарантия государства по депозитам, все, что государство скажет, акционеры исполнят без единой акции, настолько мощный механизм у этой гарантии. При этом я не понимаю, что еще в этом банке гарантирует доля государства. Гарантии по депозитам уже достаточно для того, чтобы и управлять этим банком, и иметь слово, и сделать так, чтобы слушали и так далее. Я, между прочим, против драматических мер. Как показала приватизация, которую сегодня многие критикуют, как только все оказались в равных условиях игры, достаточно быстро забылась государственная принадлежность и правила игры де-факто стали равными. Мне кажется, что при всякой приватизации, проведенной любым способом — неважно, хорошим или плохим, честным или нечестным — на выходе, через несколько лет, все очень быстро становятся равными. Я не буду сейчас приводить примеры, но в новой истории они есть в нашем банковском секторе. Когда произошел кризис, то ряд этих а-ля частных игроков снова стал государственным по понятным для всех причинам. И я считаю, что

целеполагание у нас есть. А с точки зрения того, что надо делать, я с Ираклием полностью согласен: никаких новых рецептов нет — они все лежат на поверхности. Они довольно часто декларируются, и что интересно, мы их не забываем, периодически о них вспоминаем и слышим их.

Теперь то, что вам тоже было бы интересно услышать: считаю ли я правильным существующий монополизм в области инфраструктуры ценных бумаг? Во-первых, да, я продолжаю верить в то, что такой монополизм является верным и что инфраструктура ценных бумаг — это отрасль, где в интересах рынка разумно иметь одного мощного игрока, потому что сами рынки конкурируют в международном масштабе. В этом меня можно упрекнуть, потому что на нефтяном рынке все конкурируют в международном масштабе, на банковском — тоже. Но с точки зрения инфраструктуры ценных бумаг я по-прежнему считаю, что мы тогда действовали правильно. Во-вторых, у нас монополии как таковой нет. Де-факто монополия существует только в области центрального депозитария. На самом деле, технически можно получить лицензию второго центрального депозитария, но например, в области систем организации биржевой торговли любой может получить лицензию биржи и ее организовать. Проблема состоит в стоимости входа. Эти системы дорого стоят, и это одна из тех отраслей, где при наличии комнаты и телефона невозможно легко организовать бизнес. Если говорить о Московской бирже, я считаю, что объединение было правильным: оно принесло свои плюсы и решило вопросы, которые стояли перед рынком. Если будет интересно, я могу рассказать об этом отдельно, но думаю, что не сейчас. Спасибо.

C. Robertson:

Thank you. I think we have an argument here, which is a good thing on a panel, but I would like to move to Austria just for a second. Actually for more than a

second, for five minutes. We have heard a lot about the importance of the anti-monopoly role, and I just wondered if your presentation might touch on the areas that Russia should be considering before we move to Russia. So we can start with Austria, and then move to Russia.

T. Thanner:

No problem. Thank you very much for the invitation. I have learnt a lot today in the discussion, and also in the opening session concerning competition. I have missed one word: consumers. We are dealing with competition, and I want to give you some facts and figures on the consumer when it comes to competition. There is a study from the American Antitrust Institute. They investigated about 500 cartels in Europe from 1990 to 2014, and it was estimated that the cartels overcharged in the amount of more than USD 1.6 trillion. This is really a consumer concern. Infringements to competition law cost us dearly. On the other hand, in the same area at the same time, the monetary penalties and fines imposed since 1990 reached only USD 123 billion. I think there is a big difference, as we see. So consumers' concerns are one key issue we should not forget when we work as anti-trust officials. This is very important. The question was: how can the state or how can competition policy contribute to growth? I think there are two answers. One answer is strong enforcement. As happens all over the world, there is a big enforcer community. Probably we can discuss it later. And on the other hand, the answer is to raise awareness about competition, and the importance of competition for the economy as a whole. It is clear that competition and competition policy constitutes only one element in the set of vectors that make a competitive environment. Raising public awareness is one key issue. And I think the point there is to constantly explain the value of competition. I have brought you some data from the European area. It is from May this year. About 85% of the European people in the EU say that competition between companies allows for more choice for consumers. Also, 82% of the

European people say that competition between companies leads to better prices for consumers; 80% say that competition between companies encourages innovation and economic growth; and 78% of the sample say that competition between companies leads to higher-quality goods. I think this is also a very significant point for the value of competition. There are, of course, a lot of areas where there is a lack of competition. Here are some more data from the EU area. There are three big areas in the European countries where the people are concerned about higher prices, less choice and less quality. This is the energy sector, with gas and electricity and so on, the transport sector, the pharmaceutical sector, and there is a fourth sector, the telecom sector. This is very interesting. So there is also a lack of competition in the European area. I want to mention the question of roaming costs in the telecom sector. There have been a lot of discussions in the European Parliament about whether roaming should be abolished or not. The third pillar for us as enforcers is international cooperation: cooperation between our bodies. We in Austria have had very good relations and good cooperation with the Federal Antimonopoly Service of Russia since 2011 when we signed a Memorandum of Understanding. We have done a lot of work together, especially in the oil and pharmaceutical sectors. We have established working groups, and we hope we can continue. International cooperation for us is paramount to detect cartels, because cartels do not stop at the border, and also do not stop at the European border or anywhere else. It is a worldwide phenomenon. Let me make one point, if I may, regarding the argument that there are a lot of administrative problems as seen by the community and by business. I think we have to differentiate the administrative questions from the enforcement questions. If you go and see a problem in an enforcement case, it is easy to argue that this is an administrative question. This is an enforcement question, and enforcement questions are dealt with by law. This is our job as enforcers.

C. Robertson:

It feels like everything is coming back to you. The rule of law, as Irackly was saying – maybe there are some areas where you need more power. It seems you are responsible for raising the quality of goods in Russia and making Russian consumers happy. Your institution is very important. Please give us five minutes on what you are able to do.

А. Цариковский:

Спасибо. Вроде бы сначала решили не ругать правительство — договора, конечно, не было, но идея была такова. Но как минимум половина ораторов все-таки высказалась в достаточно негативных тонах.

Кстати, поздравляю господина Теодора Таннера с победой австрийской сборной над сборной России неделю назад. Мы пережили национальную минитрагедию — проигрыш нашей сборной по футболу. И только ленивый не обругал Фабио Капелло, но проблема, на мой взгляд, не в господине Капелло. За последнее десятилетие мы поменяли трех тренеров мирового уровня, но стало не лучше, а хуже. В чем проблема? Проблема в отсутствии базы для развития футбола. То же самое и в том, что касается конкуренции в России. Россия в этом плане уникальная страна. Здесь нельзя говорить о монополизации; можно говорить о недостаточных темпах демонополизации. Потому что мы получили результат уникального эксперимента, восьмидесяти лет социализма и военного коммунизма — структуру, которая заведельно централизована и в которой понятие конкуренции отсутствует.

Понятие «картель» — это благо, так как оно представляет собой производственную кооперацию и правильное распределение централизованных ресурсов. А у нас образ предпринимателя является глубоко отрицательным — это враг народа. Вот что мы получили всего, напомним, 25 лет назад, а вдобавок к этому крайнюю отсталость в

технологиях — лет на 40—50, а по отдельным параметрам — и больше. Это крайне каменистая почва для развития экономики. Что можно сделать, чтобы вырастить что-то на этих камнях?

Есть два варианта. Либо продолбить лунки, засунуть туда какое-то растение и долго его поливать — это первый путь. Мы по нему и пошли: создание госкорпораций, индивидуальный полив этого растения, чтобы оно выросло. Но второй, на мой взгляд, более эффективный путь — это создание той почвы, того плодородного слоя, на котором это растение должно вырасти. Такой путь является классикой экономики, но должен отметить, что такой плодородной почвой, на которой все выросло в течение столетий, в мировой экономике является малый и средний бизнес. Поэтому ФАС часто спрашивают: «Зачем вы так часто суетесь в малый и средний бизнес? Занимайтесь крупным». Собственно говоря, почему мы должны забыть о малом и среднем бизнесе? Это же почва, на которой и дальше должна крепнуть наша экономика и уже вполне развитая конкуренция крупных предприятий. Сейчас там конкурировать, по большому счету, некому, за исключением небольшого числа областей.

В данный момент главная задача и миссия ФАС — защита этого тонкого почвенного слоя. От кого? Несколько лет назад выпустили такую забавную книжку, посвященную ФАС. Там были изображены маленькие красивые золотые рыбки, которых собирается сожрать громадная акула. У нас, по большому счету, имеется два типа таких огромных акул. Первый — это монополии. Второй, как это ни печально, государство. Я должен согласиться и с господином Ясиным, и с другим оратором: приблизительно 50% дел ФАС — это нарушения, которые совершили органы государственной власти по отношению к бизнесу. Это либо чрезмерное регулирование, либо подчинение их своим интересам. Это одно из направлений развития работы ФАС, и мы будем его усиливать.

ФАС часто ругают за то, что мы беремся за несвойственные нам функции. Мы их не требуем, но выходит так, что мы их как-то сами получаем. Например, мы взялись за госзаказ. Казалось бы, госзаказ, public procurement, antitrust — это разные вещи. Нет, это как раз то, о чем я говорил. Это то, что позволяет выращивать. Ресурсов у нас не так много (наша секция посвящена централизации ресурсов и их ограниченному количеству с учетом экономического кризиса), и огромная их часть по-прежнему находится в области государства и госмонополий. Обеспечить свободный доступ малого и среднего бизнеса к этим ресурсам — это огромное направление, которое позволит создать реальную конкуренцию. Это будет обсуждаться и в рамках других секций.

За эти годы политика госзаказа и тендера в России получила огромное развитие, и мы будем уделять этому колоссальное внимание. Вы спросили, что мы будем делать дальше с точки зрения усиления нашего законодательства? Это одно из основных направлений: развитие законодательства, позволяющего увеличить доступ бизнеса к имеющимся ресурсам. И наша задача, наша идеология — проследить за доступностью максимально справедливого способа распределения этих ресурсов с минимальным влиянием на это государства. Вот идеология ФАС.

C. Robertson:

Could I ask just one quick follow-up question? Has your body then taken the government to court over any of these issues? Have you challenged – in the legal system – the government, to force it to open up? Is that something that you can do?

A. Цариковский:

Да, в моей практике огромное количество таких дел. У меня, например, есть телефон правительственной связи, хорошо знакомый всем в России. Я

стараюсь к нему не подходить, потому что, как правило, звонят представители каких-нибудь министерств с просьбой не привлекать его к административной ответственности. Это профессиональная болезнь. А на самом деле, таких дел, когда решения выносились против органов власти, против министерств, очень много. Например, последнее: когда прилечу с Форума, вынесу господину Кравченко административный штраф. Это совет рынка, это электроэнергетика. Я просто привел пример, а таких дел у нас сотни и тысячи. Я считаю, что мы весьма успешно действуем в этом направлении. Бизнесу, вероятно, кажется, что недостаточно, но нам пока работы хватает.

C. Robertson:

I am sorry to have kept you waiting, but could you give your five minutes or so? This is Andrei Nazarov, here to talk about business. Perhaps you could sum up a little before I open up to questions. So, do think about any questions you might have, and that you would like to ask the panel. Five minutes please, sir.

A. Назаров:

Спасибо.

Господин Ясин уже ссылался сегодня на Майкла Портера. Когда он писал свою знаменитую теорию конкуренции, то конечно, не жил в России и не понимал, что пять движущих сил, на которых он основывал свою теорию, не могут сформировать полную теорию для нашей страны, потому что есть шестая движущая сила, о которой говорили многие выступающие. Это, конечно, государство. Оно в России является сразу в трех ипостасях: и как законодатель, который устанавливает правила игры, и как арбитр, который контролирует исполнение этих законов, и, конечно, как участник рынка (по сути, как коммерсант), который сам присутствует в экономике. До сих пор у нашего государства не получилось определиться, в какой ипостаси ему

надо бы прилагать больше усилий. Понятно, что правила игры больше некому устанавливать — в этом плане все логично. С точки зрения присутствия и контроля со стороны государства, наверное, можно было бы сократить его влияние и присутствие как контролера. А присутствие в экономике нужно уменьшать, иначе это как в игре, когда ты знаешь, какие карты будут, и сам этими картами обладаешь. Немного похоже на шулерство. Мы много говорим о том, что государству нужно уходить из экономики, и задавали этот тренд. Но с другой стороны, у нас не получается, поэтому можно идти другим путем и создать тренд «российская экономика в десятке ведущих экономик мира». При этом по сравнению с этими десятью экономиками у нас совершенно другая пропорция: малого и среднего бизнеса гораздо меньше, чем в других ведущих экономиках. Можно просто задать тренд на увеличение присутствия малого и среднего бизнеса, о чем сейчас некоторые сказали. И никакими директивами этого не сделаешь.

По сути, нужно просто сделать три вещи. Первое — улучшать нашу юрисдикцию. Работа в этом направлении идет, но на двух моментах надо остановиться. Существующая уголовная политика распугивает людей, которые хотели бы работать в малом и среднем бизнесе. К сожалению, это так. Плюс излишне жестокое наказание закрывает им возможность развиваться. Второй фактор — антимонопольное законодательство. Антимонопольная служба тоже ставит рекорды: в 2013 год у почти 80% всех дел, которые возбудила наша Антимонопольная служба, были связаны с доминированием на рынке. При этом 36% касается малого бизнеса. Я никогда не поверю в то, что малый бизнес может доминировать на рынке в 36% всех случаев, а их около двух тысяч в год. Этого просто не может быть. Заниматься малым бизнесом легко, потому что от крупного можно получить какие-то ответные действия.

Далее — издержки. Мы не можем быть конкурентоспособными, пока наши издержки, по сути, сопоставимы с нашими налогами (вот санкт-петербургские ученые посчитали, что издержки в нашей стране — это коррупция, административные барьеры и прочее). То есть если суммировать небольшое налогообложение с издержками, то получается в два раза больше. И если мы не будем наводить порядок в этой сфере, то понятно, что конкурентность нашей экономики в целом и каждого предприятия в отдельности будет гораздо ниже, чем у наших конкурентов.

Третий, последний, момент. Мы говорим о доступности к финансовым ресурсам. Как говорил Остап Бендер, раз в стране водятся денежные знаки, значит, есть люди, у которых их много. Поэтому, если взять некую сумму денег, возникает вопрос, кому и как мы их выдаем? В последние годы тренд банков — в меньшей степени кредитовать предприятия, в большей степени — потребителей. Потребитель с большей степенью гарантии вернет сравнительно небольшую взятую сумму. Получается так: предприятие приходит за кредитом, чтобы выпускать какой-то товар. Ему не дают денег. Значит, российский товар на рынке не появится. Значит, потребитель, получив кредит, приходит в магазин и покупает чужой товар, потому что того производителя и его товар прокредитовали, и на рынке он есть. Покупатель приобретает этот товар, и получается, что мы стимулируем экономики и предприятия других стран. Для развития экономики необходимо перераспределение. На наш взгляд, это вполне реально, и тогда доступ к ресурсам изменит нашу экономику. Спасибо.

C. Robertson:

Thank you very much. Just to warn my panel – I will be asking at the end for the one thing you want to change over the next 12 months, so that next year we can be saying, “the government has achieved *this*.” I will come back to that. First, I would like to open this up. We have got an audience here, and a surprising range

of views on the panel. Does anybody have a question that they would like to raise? Madam. Please speak into the microphone so that it can be done with the translation, and so all of our guests can hear.

Г. Улумбекова:

Как коллеги относятся к конкуренции в отраслях, которые требуют регулирования объема услуг и их структуры и в которых может присутствовать ограничение ресурсов? О какой конкуренции может идти речь, например, в российском здравоохранении?

С. Robertson:

That is a tough question. The UK has the same problem. We are trying to get an answer, and there is no answer from the UK. Would you like to comment?

А. Цариковский:

К развитию конкуренции в здравоохранении лично я отношусь великолепно. В прошлом году моей маме была необходима операция. Мы бы годами стояли в очереди на эту операцию, если бы я не применил «телефонное» или властное право. Так что к развитию конкуренции в здравоохранении мы относимся хорошо.

Г. Улумбекова:

Я рада, что у ФАС хватает денег на то, чтобы сделать платную операцию.

А. Цариковский:

Сумма была небольшой — примерно месячный доход москвича. Это посильная сумма.

И. Мтибелишвили:

Но мне не очень понятен ваш вопрос. Вы говорите о конкуренции в контексте ограниченности ресурсов?

А. Цариковский:

А почему они ограничены в здравоохранении? На мой взгляд, это как раз область, в которой они минимально ограничены.

И. Мтибелишвили:

На мой взгляд, да.

Г. Улумбекова:

Как это? Представьте себе: есть ресурс, который направляется в государственное учреждение. На сегодняшний день его недостаточно для того, чтобы оплатить четвертый квартал. Теперь приходит частный бизнес и говорит: «Я тоже хочу этот государственный ресурс. У нас же основной расход — это государство». И частный бизнес забирает у государственного учреждения часть ресурса. В результате государственному учреждению не хватает денег для того, чтобы выжить, а оно, в отличие от частного, оказывает бесплатную помощь.

И. Мтибелишвили:

Я не специалист в этом, но у меня такое впечатление, что давать потребителю выбор – это хорошо. Будь то частный или государственный провайдер услуг. Если я правильно понимаю, то именно об этом идет речь. Господин Ясин хотел что-то сказать.

Е. Ясин:

Я хочу сказать, что, с моей точки зрения, существующие условия исключают возможность нормальной конкуренции в здравоохранении.

Г. Улумбекова:

Согласна.

Е. Ясин:

Самый простой пример. У людей есть представление, что услуги в области здравоохранения должны быть бесплатными. Предпринимается множество действий, в результате которых расходы населения на здравоохранение идут, в основном, на приобретение услуг у частных врачей, но в теневой сфере, а не в нормально построенной системе здравоохранения. Нужно сделать несколько очень важных шагов, на которые государство не решается, потому что не хочет разлучать население с гипотезой о том, что оно должно брать на себя соответствующие функции. Но в реальности речь идет о том, что мы должны серьезно повысить заработную плату тем, кто мало получает, и сделать так, чтобы эти люди сами платили в пенсионный фонд, чтобы они платили за полисы в области здравоохранения, чтобы было страхование. Но надо не просто страховать услуги, а сделать страховку тем средством, которое вступает в действие, когда вы пользуетесь услугами здравоохранения. Мы ничего этого не сделали. Существующая сегодня система остановилась уровне развития 1993 года, и с тех пор практически ничего не сделано. Вы назовете таких замечательных людей, как Скворцова, которая является лидером и выступает за реформы. С ней говорить — одно удовольствие. Она все время объясняет, что есть трудности и так далее. Я вам честно скажу: сегодня я верю только одному человеку в области здравоохранения — это господин Печатников. Ему

приходится заниматься разными вещами, все недовольны, но у него есть результат.

Г. Улумбекова:

Да, у него есть результат: рост смертности в Москве за первый квартал 2015 года на 6%.

Е. Ясин:

Вранье!

Г. Улумбекова:

Росстат — вранье?

Е. Ясин:

Я могу сказать, что в этом не Печатников виноват. Есть куча факторов, которые на это влияют. Почему один Печатников? Такая у нас манера — выбрать кого-то и на него все свалить. Нет, так не выйдет.

Из зала:

А можно мне?

А. Цариковский:

Нет, нельзя.

Из зала:

Почему нет?

А. Цариковский:

Потому что наша сессия посвящена не здравоохранению. Я могу ответить.

Из зала:

Сложный вопрос, в котором присутствуют разные источники финансирования. Нужно четко понимать, какие мероприятия проводить. Мы говорим о конкуренции как о структуре, которая позволяет достигать намеченных целей. Человек спрашивает: где деньги? Конкуренция не отвечает на этот вопрос. Она создает условия, о которых сейчас шла речь: какие мероприятия можно проводить для того, чтобы она стала регулятором, который впоследствии обеспечит наличие денег или приведет к тому моменту, когда эти деньги можно будет получить. Коллеги из Австрии совершенно правильно сказали (про футбол я промолчу), что, в первую очередь, мы должны говорить о потребителе. Как он понимает наши усилия, направленные на то, что он получает конкурентную услугу по той цене, которая ему доступна. Мне кажется, это и есть главное условие тех преобразований и тех задач, которые мы должны ставить на перспективу.

Е. Ясин:

Это правильно — должны ставить на перспективу. Но пока ничего не ставим.

А. Цариковский:

У меня короткий комментарий, который, я надеюсь, закончит эту тему. За последние годы вы сами обращались в государственную больницу для получения медицинских услуг? Я не знаю людей, которые не заплатили бы там много денег. Мне кажется, в настоящее время так называемое бесплатное здравоохранение является огромной питающей средой для теневой экономики. Это мой личный взгляд, а не официальный взгляд заместителя руководителя Федеральной антимонопольной службы.

C. Robertson:

If I could just add in. Health is the one area that I have never written a report on. It feels that it would be so difficult. However, in Georgia they are trying a different method. Saakashvili's lot were trying to privatize the Georgian health service. They have stepped back a little bit, but that is a possible alternative. If you are very interested in how much better it could be run, perhaps look at Georgia. I am not saying that Georgia is better. I am just suggesting it as an alternative. In Austria, Dr. Thanner, do you look at the health sector at all?

T. Thanner:

In some areas we can look at it, but in other areas it is prohibited by law. So similar problems exist not only Austria, but also in Germany, the UK and some other countries of the European Union.

C. Robertson:

Interesting.

И. Мтибелишвили:

Чарльз, в Грузии вся медицинская среда является полностью частной: в ней нет ничего, что делает государство. Единственным реальным завоеванием нынешней власти является то, что есть некий минимальный набор универсальных услуг, который оплачивается государством, что стало большим толчком для развития этого сектора.

Из зала:

Это в здравоохранении?

И. Мтибелишвили:

Да, госпитальные услуги в том числе. Медицина на 100% частная, и инвестиции тоже частные.

С. Robertson:

How much time do we have? We have 15 minutes. I can take one more question. We have gone off on a different direction on health. Perhaps there is something else. In that case, that probably gives about two minutes for each panellist to sum up. I would love to have one thing to take away. When I work in a bank, I have to talk to my traders every day. And traders are very simple guys. They buy or sell. So please offer us one thing that might change in twelve months, or one thing that we can say to the government, to make this the difference. If I can start with you, Mr. Nazarov, because I left you for so long before. Perhaps you should start.

А. Назаров

Я бы взял ножницы и вырезал две главы из Уголовного кодекса: 22-ю, посвященную экономическим преступлениям, и часть 21-й. Это примерно 65 статей. И год прожили бы без этих нескольких страниц. Я думаю, что конкуренция выросла бы за счет появления в экономике значительно большего количества экономически активных людей и, может быть, даже подошла бы близко к общеевропейским показателям.

С. Robertson:

Everybody but me knows what is in those chapters. Could you give me just one thing? One of the articles, for example, that we are talking about? What is in chapters 21 and 22? I have not broken the law, yet!

А. Назаров

Да, я понял. Но Вам повезло, что вы не нарушили законодательство, хотя это непросто сделать. Из нашей правоприменительной практики: не всегда тот, кто нарушил, подпадает под эти статьи. Иногда просто считается, что те или иные действия или, как говорят юристы, деяния, подпадают под уголовное законодательство. В части 21-й главы, о которой я говорил. В нашей действительности есть 55 статей 21-й главы и одна статья 22-й главы — 159-я, «мошенничество». По ней ежегодно из двухсот с небольшим тысяч уголовных дел возбуждаются 150, то есть получается, что по 55 статьям — в три раза меньше, чем по одной 159-й. Такая вот правоприменительная практика создалась.

Мы работаем над тем, чтобы это изменилось. Но если вы меня спросите: что можно сделать быстро и радикально, то я отвечу: ввести в качестве эксперимента некий мораторий. Понятно, что есть побочный эффект: будут потерпевшие, и кто-то кого-то все равно обманет. Такие мошенники, к сожалению, существуют. Всегда ссылаются на Саакашвили. Там тоже были некие издержки, но в итоге положительный результат превысил риски. Слишком медленно корректируя эту уголовную политику, мы приводим ситуацию к тому, что многие разочаровываются — либо уезжают, либо становятся наемными работниками, либо кто-то попадает в места лишения свободы и выпадает из кадрового оборота.

У нас есть статистика: почти 70% компаний после уголовного преследования, даже без обвинительного приговора, перестают работать. Представляете? То есть порядка 150 тысяч компаний в год могут прекратить существование, потому что возникло уголовное дело. Даже если потом никого не накажут. Для наших зарубежных партнеров, может быть, это не совсем понятно, а для нас это является неким антирекламным лозунгом: «Давайте работать, приходите работать в бизнес».

C. Robertson:

Thank you very much, that was brilliant. Ruben, could you match that?

P. Аганбегян:

Ничто не сравнится с Уголовным кодексом. Я могу вам это сказать как человек с юридическим образованием.

У меня две темы. Первая: действиями показать целеполагание, о котором говорил Ираклий, в обратную сторону. Например, начать массовую приватизацию.

Второе изменение, которое обсуждалось во всех кабинетах и, по моему мнению, было признано целесообразным. Это не моя крамольная мысль — не надо меня записывать в «черный список», но я бы ФАС отключил от малого бизнеса тоже в качестве эксперимента годика на три и посмотрел бы на результат. Я понимаю, какую могучую положительную роль вы играете. Но, принеся ее в жертву, я бы попробовал такой эксперимент.

A. Назаров

Рубен, по-моему, этот эксперимент уже Президент страны поддержал, и, по-моему, вас отключили от малого бизнеса на два года: мораторий объявлен. Если я правильно понял, в законодательство внесены поправки. Во всяком случае, устно это было объявлено, когда Артемьев был у Владимира Владимировича Путина и сказал, что этот мораторий будет.

A. Цариковский:

Что самое забавное, мы от него сами уже отключились. Действительно, внесены поправки, которые объявляют мораторий на проверки в случае, если малый бизнес действительно является малым бизнесом, а не (тут есть еще и экономическая дискуссия) сбытовыми структурами, аффилированными с крупным бизнесом. Мы это сделали. Кстати, если вы

меня спросите, чего бы я хотел сделать в этом году, то я скажу, что мне очень важно как можно скорее принять этот законопроект.

Р. Аганбегян:

Я принимал участие в дискуссии про олигархические группы. Вы не понимаете, что такое управлять, когда у тебя в группе 100 компаний. Какие риски ты несешь! Теперь представьте себе, что вас мало. Я говорил на этих совещаниях об ощущении, что крупные бизнесмены будут создавать цепочки из малых предприятий. Я сказал это к тому, что, к сожалению, у нас в стране любая оговорка приводит к нулевому результату. Это претензия не к Вам, а к тому, как это работает. Оговорка «не делать налоговые проверки компаниям, которые за последние три года не показали проблем» означает, что все компании подлежат налоговым проверкам, потому что их проверили. То же самое и в Вашем примере. Ваша оговорка, скорее всего, приведет к тому, что все малые бизнесы будут распределены между крупными группами, конгломератами и объединениями. Я этого боюсь.

С. Robertson:

Dr. Thanner, from what you have heard, or in terms of one piece of advice you can give, what is the most important thing from your perspective?

T. Thanner:

Thank you very much. It is not my position to give advice to Russia, although we won this game at the weekend. Let me mention one point first. It is important to mention the track record of the FAS. It is difficult for Tsarikovskiy to mention it himself, so I have brought with me some facts and figures. This is the number of staff members at the FAS. The FAS has 2400 people. You can see it here at the beginning. Austria is here at the end, of course. The EU is here, and the US is here. If you look at global competition, this is the source. Russia also has the

highest number of investigations, 2633. You commissioned 40 investigations. FAS had 4298 merger filings, while the United States had 2500. The number of dawn raid inspections is 62 in Russia, and 53 in Turkey. So you can see the track record of FAS, and I think that good work is being done. But I have four points I would mention. I think firstly, as was mentioned in the audience, look at the consumer. Secondly, there should be the right balance between enforcement on the one hand, and raising awareness on the other. This should be very balanced. There was a discussion last week or two weeks ago between Mr. Artemyev and the President of Russia, and it was discussed there, as I read in one home page. The third point is to explain and explain again what competition is. And the fourth point is that we should continue international cooperation. This is a point between our authorities, and I think we should continue our cooperation and strengthen it. Thank you.

И. Лотаков:

Спасибо. Хочу обсудить несколько моментов.

Первый. Давайте вспомним, что у нас есть дорожная карта по развитию конкуренции и совершенствованию антимонопольной политики. И медицина — одна из ее частей. Вот практический совет: давайте реализовывать существующую дорожную карту, которая говорит о снижении доли государства в экономике и об упрощении деятельности предприятий в рамках антимонопольного регулирования, а также о сокращении ненужных контрольных функций государства в отраслях.

Говоря о государстве и бизнесе, я бы вернулся к тому, с чего начал: давайте смотреть критически на бизнес-модель, в которой мы сейчас существуем. Она меняется гораздо быстрее, чем когда-либо в прошлом. Одна из болезней общества у нас состоит в том, что многие бизнесы были созданы с 2000 по 2010 год — в то время, когда экономика росла двузначными цифрами. Это не будет работать в следующие 10 лет.

Поэтому критический подход к собственной бизнес-модели мне кажется очень важным.

А. Цариковский:

Прислушиваясь к господину Таннеру, я должен сказать, что, если мы будем ориентироваться на потребителя, то нам, к сожалению, придется проверять малый бизнес, потому что ФАС практически никогда не возбуждает дела по своей инициативе и не осуществляет какие-то плановые или внеплановые проверки — на это у нас не хватает ни сил, ни времени. Как правило, мы возбуждаем дела по жалобам тех потребителей, о которых говорил господин Таннер.

Что бы я хотел пожелать ФАС? Продолжить то, что мы начали. Во-первых, продолжить ту линию, которую мы уже начали с точки зрения регулирования в области конкуренции крупных структур. Кстати, не надо забывать, что вопрос по рассмотрению слияний и поглощений в то время, пока существовала ФАС, возрос в десятки раз. Мы убрали огромное количество согласований. На наш взгляд, M&A стал гораздо лучше в России.

Во-вторых, есть огромный пакет законов, связанных с доступом структур малого и среднего бизнеса к госзаказам и к распределению ресурсов госкорпораций. Я бы очень хотел, чтобы за этот год он был принят.

И. Мтибелишвили:

Пожеланий очень много. Во-первых, в своем бизнесе я бы хотел увидеть полную отмену закона о стратегических компаниях и инвестициях в них. Я считаю его апофеозом паранойи государственного масштаба.

Во-вторых, в качестве эксперимента попробовать отменить институт, который вывел за пределы экономики оборота и финансирования такую важную вещь, как земля. Это институт назначения и использования земли.

Нет категории назначения земли. Давайте защитим заповедники, особые природоохранные зоны и посмотрим, что станет с ценой на жилье, на недвижимость, на товары, особенно в стране, которая обладает самым большим массивом земли на территории земного шара. Мне кажется, что этот институт является не просто вредным, а криминальным.

Е. Ясин:

У меня, как и у вас, не одно предложение, а целая куча. Но я бы хотел вернуться к закону о полиции. У меня такое впечатление, что, когда его принимали, органы правопорядка — не только милиция, но и все остальные спецслужбы — напряглись и довольно жестко. В результате идеи, которые лежат в основе этого закона, на практике не применяются. Не были приняты как раз те положения, которые были нужны для установления более жесткого контроля над деятельностью этих органов, чтобы у них была бóльшая ответственность перед судом и чтобы суд был тем конечным пунктом, от которого идет влияние на них, а не с другой стороны. Нам нужно сделать решающие шаги как раз в области права. Обратите внимание, что темп роста расходов на эти органы выше, чем даже рост расходов на армию. Я считаю, что для России одним из самых важных решений будет начало серьезной работы по подчинению этих органов закону, а этот закон должен соответствовать мировым критериям.

C. Robertson:

Thank you so much. I have loved this panel. They have been far more radical than I ever expected, tearing up legislation. It sounds almost like anarchy, but in a good way. Anarchy to help business and to help the private sector grow. If we can just give a hand to everybody on the panel and particularly to PwC for sponsoring. Thank you so much.